

- Дажэнь, куда вы направляетесь? - Начальник стражи Хэ сложил руки в приветственном жесте, словно они были давними друзьями.

Чжуан Чжун ответил тем же жестом, также проявив крайнее дружелюбие.

- Конечно же, расследовать дело. Я только что прибыл сюда и еще не во всем разобрался, в отличие от вас, начальника уездной стражи, у которого, судя по всему, гораздо больше свободного времени.

В этих словах слышалась некоторая ирония, но начальник стражи Хэ сделал вид, что не заметил этого.

- То, что глава уезда усердно трудится на благо народа, - настоящее счастье для Мэйсянь. Я слышал, что у главы уезда есть свой метод расследования дел, и давно хотел поучиться у вас. Сегодня как раз представился удобный случай, только не знаю, согласитесь ли вы, дажэнь, чтобы я сопровождал вас.

Взгляд Чжуан Чжуна потемнел. Он не верил, что начальник стражи Хэ появился сейчас именно по этой причине, скорее всего, у него были свои планы. Но раз тот проявил такую скромность, ему было неудобно отказывать, и он улыбнулся.

- Начальник стражи Хэ дал такую высокую оценку, и я, естественно, не могу отказать. По правде говоря, я только что прибыл сюда и, конечно, не так хорошо знаком с Мэйсянь, как вы, поэтому во многих вопросах мне еще предстоит поучиться у вас.

- Прошу, дажэнь, - начальник стражи Хэ протянул правую руку в приглашающем жесте.

Чжуан Чжун кивнул, заложил руки за спину и направился к тюрьме.

По дороге начальник стражи Хэ пытался завязать разговор и спросил:

- Неужели вы идете туда для расследования какого-то дела?

Чжуан Чжун не ответил, погладил подбородок, нахмурился и принял вид, будто глубоко задумался.

Начальник стражи Хэ был весьма раздражен, а советник Тун с извиняющимся видом пояснил:

- Как только дажэнь начинает размышлять, он погружается в глубокую сосредоточенность, и слова посторонних не доходят до его ушей.

Начальник стражи Хэ дернул уголком губ и произнес с двусмысленной интонацией:

- Я слышал, что дажэнь когда-то был монахом, и действительно, у него есть некая связь с Буддой.

Советник Тун улыбнулся, но ничего не ответил.

Тюрьма находилась недалеко от яменя, и через минуту они уже были на месте.

Надзирательница и тюремная стража, увидев Чжуан Чжуна и начальника стражи Хэ, не смели проявить неуважения, закивали головами и кланялись, стараясь завоевать их расположение.

- Где находится Чжэнь-нян из клана Чжоу? - Спросил Чжуан Чжун.

Надзирательница, услышав вопрос, невольно посмотрела на начальника стражи Хэ, а тот гневно воскликнул:

- Дажэнь задает тебе вопрос, так почему же ты не отвечаешь?

Надзирательница поспешно ответила:

- Докладываю, дажэнь, она там, внутри, но эта камера смертников слишком грязная, это не место для такого уважаемого человека, как дажэнь. Лучше подождите снаружи, я попрошу Чжэнь-нян привести себя в порядок, а потом она выйдет к вам.

- Ты суешься не в свое дело, дажэнь вовсе не из тех, кто придает значение таким вещам, - недовольно сказал начальник стражи Хэ.

Надзирательница, согнувшись почти до земли, кивала, соглашаясь:

- Я просто забочусь о вас, дажэнь. В этой камере полно блох, вшей и крыс, эти гады очень досаждают, если вы войдете, то заразитесь.

Услышав это, начальник стражи Хэ на мгновение замер, затем повернулся к Чжуан Чжуну.

- Дажэнь, может быть, стоит послушаться этой надзирательницы? В конце концов, допрос пройдет одинаково, где бы он ни проводился. Не стоит иметь дело с этими мелкими тварями - если заразитесь, будете долго мучиться.

Стоит ли говорить, что Чжуан Чжун не обращал на это внимания? Ведь раньше он, и глазом не моргнув, осматривал сильно разложившиеся трупы, по которым ползали отвратительные

личинки, - как он мог бояться таких мелочей, как блохи и вши? Но уже одно то, что начальник стражи Хэ неожиданно появился и пытался помешать ему войти в тюрьму, заставило Чжуан Чжуна решить, что он должен провести серьезное расследование.

Чжуан Чжун поднял руку в знак отказа.

- Ничего страшного, это всего лишь мелкие насекомые. Если начальник стражи Хэ боится этих тварей, пусть подождет снаружи.

Сказав это, он шагнул внутрь, велел надзирательнице показать ему дорогу.

Начальник стражи Хэ слегка нахмурился, но все же последовал за ним.

Обстановка в тюрьме была действительно неприглядной, она наглядно иллюстрировала, что такое грязь, беспорядок и убожество. По сравнению с ней современные исправительные колонии казались просто раем, даже те камеры, в которых он бывал в столице, не были настолько отвратительными. И это еще женская тюрьма - какими бы прекрасными ни были эти женщины раньше, сейчас от них хотелось бежать. Потоки зловония ударили Чжуан Чжуну в нос, и даже он, давно привыкший к разным неприятным запахам, не мог не нахмуриться. В таких условиях неудивительно, что больной отец Чжоу умер вскоре после заключения.

- Дажэнь, это Чжоу Чжэнь-нян.

В углу камеры сидела женщина с растрепанными волосами и грязным лицом. Ее одежда, давно утратившая прежний цвет, висела на теле лохмотьями, а на открытых участках кожи Чжуан Чжун даже заметил ползающих насекомых - это было просто отвратительно.

Чжуан Чжун еще не успел открыть рот, как начальник стражи Хэ прикрикнул:

- Чжэнь-нян из клана Чжоу! Глава уезда здесь, так почему же ты не падаешь на колени и не кланяешься? Ты, гадюка, не смей забывать свое место.

Этот крик в тесной камере прозвучал так, что у всех екнуло сердце. Чжуан Чжун недовольно сказал:

- Начальник стражи Хэ, мы все не глухие, зачем так орать?

Начальник стражи Хэ, сложив руки, смущенно ответил:

- У меня громкий голос, извините, что напугал вас, дажэнь.

Чжуан Чжун махнул рукой.

- Раз не можете контролировать громкость своего голоса, то лучше молчите. У меня только одна жизнь, я не выдержу таких потрясений.

Сказав это, он, не обращая внимания на начальника стражи, велел надзирательнице открыть камеру и уйти, но первой реакцией надзирательницы по-прежнему было посмотреть на начальника стражи.

Чжуан Чжун, не скрывая своего недовольства, спросил:

- Что, я не могу тобой командовать, а только начальник стражи способен на это? Если так, то впредь ты будешь служить начальнику стражи, а на твое место я найду другого тюремщика!

Надзирательница, услышав эти слова, испугалась, стала просить пощады и оправдываться, одновременно поспешно открывая дверь камеры.

Начальник стражи Хэ хотел помешать ей, но советник Тун, улыбаясь, преградил ему путь и сказал:

- Начальник стражи Хэ, лучше отойдите в сторону и посмотрите. Дажэнь не любит, когда его беспокоят во время расследования.

Несмотря на то, что советник Тун выглядел как обычный ученый, начальник стражи Хэ не смог его отодвинуть - оказалось, что тот был искусным воином. Как бы ему ни хотелось, начальник стражи Хэ был вынужден отступить. Он бросил недобрый взгляд в сторону камеры. Советник Тун по-прежнему доброжелательно улыбался и вел себя учтиво.

Чжуан Чжун подошел к женщине.

- Ты - Чжэнь-нян из клана Чжоу?

Взгляд Чжэнь-нян был остекленевшим, она никак не реагировала на происходящее вокруг.

Увидев это, начальник стражи Хэ снова хотел что-то сказать, но советник Тун улыбнулся и сказал:

- Начальник стражи Хэ, у меня есть один вопрос, на который я не могу найти ответа. Не могли бы вы мне помочь?

Хотя начальник стражи Хэ и не хотел, ему пришлось уступить советнику Туну. Хотя советник

Тун и не был официальным чиновником, в ямене он занимал определенное положение.

Чжуан Чжун задал еще один вопрос:

- Твой муж У Баошэн, тот, кого ты убила вместе со своим братом Чжоу Цзицзу?

Когда Чжэнь-нян услышала эти слова, в ее глазах мелькнул проблеск чувств, но они тут же снова померкли, и она по-прежнему сидела, как деревянная кукла, не произнося ни слова.

- Чжоу Чжэнь-нян, я, глава уезда, спрашиваю тебя еще раз: правда ли, что ты вступила в тайную связь с Чжоу Цзицзу и в сговоре с ним убила своего мужа?! - Внезапно зарычал Чжуан Чжун, особо подчеркнув слово «тайная связь».

В глазах Чжэнь-нян промелькнуло волнение.

- Я не делала этого! Я не вступала ни с кем в тайную связь, я не убивала своего мужа! Я не делала этого...

Чжэнь-нян громко зарыдала. Она думала, что уже сможет относиться ко всему с безразличием: в конце концов, ее родители и брат мертвы, какой смысл ей жить? Лучше бы она последовала за ними, чтобы не мучиться в этом мире. Но услышать, что ее обвиняют в связи со своим братом - пусть и не родным, но тем, кого она любила как родного, - как она могла вынести такое унижение? Для нее это было запретной связью, и с этим обвинением она ни за что не могла смириться.

Увидев это, начальник стражи Хэ, не обращая внимания на попытки советника Туна вмешаться, вошел в камеру и гневно воскликнул:

- Чжоу Чжэнь-нян, ты уже признала свою вину, а теперь хочешь отказаться от своих слов? Ты считаешь, что предыдущее признание было просто шуткой?!

Чжуан Чжун бросил на него взгляд и повернулся к Чжэнь-нян.

- Чжоу Чжэнь-нян, ты хочешь отказаться от признания? Но подумай хорошенько: если откажешься, тебе сначала придется вынести десять ударов палкой. Лучше смиренно ждать казни. Думаю, твои родители и брат на том свете тоже не хотят, чтобы ты страдала, и не будут тебя винить.

Эти слова Чжуан Чжуна, казалось бы, были призваны убедить Чжэнь-нян отказаться от отзыва показаний, но на самом деле они напомнили ей: если она умрет так, как она сможет смотреть в глаза своим родителям и брату, погибшим от несправедливости?

Законы Да Ю отличались от законов прежней династии: если преступник признавал свою вину, то, за исключением случаев, когда он сам или его родственники отказывались от признания, в большинстве случаев чиновники не вмешивались и просто приводили приговор в исполнение. Пересмотр дела влек за собой слишком много последствий, и обычные чиновники, естественно, не хотели рисковать ради человека, который сам не желал отказываться от признания. Вынесение приговора и без того было делом нелегким, а когда обвиняемый был полон решимости умереть, задача становилась еще сложнее. В таком случае, было полбеды, если не удавалось выяснить истину, но также пришлось бы отвечать и самому.

Чжоу Чжэнь-нян не разочаровала Чжуан Чжуна: прежде старый колодец превратился в бушующий океан. Раз уж ей все равно грозит смерть, почему бы не рискнуть в последний раз? Она постарается, и, по крайней мере, уходя, ей не будет слишком стыдно перед родителями и младшим братом.

- Дажэнь! Я отказываюсь от своего признания! Я не вступала в тайную связь с кем-либо и тем более не убивала своего мужа! Я невиновна, прошу вас, дажэнь, отстоять мою правоту!

Начальник стражи Хэ хотел еще раз прибегнуть к угрозам, но Чжуан Чжун, естественно, не дал ему этого сделать.

- Начальник стражи Хэ, мы служим народу, зачем вы сейчас всячески препятствуете?

Начальник стражи Хэ презрительно фыркнул.

- Эта гадюка уже признала свою вину, а теперь вдруг отказывается от признания - разве это не издевательство над законом? Если снова не удастся выяснить правду, сколько времени будет потрачено?

- Что важнее: потраченное время или человеческая жизнь? Начальник стражи Хэ, не забывайте: человеческая жизнь превыше всего! Даже если придется проводить повторное расследование, что с того? Раз кто-то отказывается от признания, нужно расследовать - либо выяснить, что в деле было что-то нечисто, либо убедиться, что вина лежит на ней!

- Если у главы уезда есть свободное время, и он любит тратить его впустую, то я не могу сказать ничего против, но казнь Чжэнь-нян из клана Чжоу состоится уже скоро, разве можно подать прошение об отсрочке?

- Я знаю правила. Хотя она и отказалась от своих показаний, если за это время ничего не выяснится, день казни, естественно, не изменится.

Начальник стражи Хэ странно улыбнулся.

- До дня казни осталось всего десять дней, а делу уже два года. Похоже, вы, дажэнь, полностью

уверены, раз осмелились взяться за это дело. Этот подчиненный наговорил лишнего.

- Чиновник служит народу. Если кто-то говорит о несправедливости, я, естественно, должен провести расследование. Неужели для начальника стражи Хэ время - это повод игнорировать просьбы народа?

- Правда глаза колет. Если дажэнь настаивает на таком неверном толковании моих слов, мне нечего сказать. Надеюсь только, что, взяв в свои руки эту горячую картошку, дажэнь не пожалеет об этом, - сказав это, начальник стражи Хэ развернулся и ушел, не забыв перед уходом предупредить Чжэнь-нян: - Ты смеешь издеваться над этим чиновником, принимая суд за детскую игру. Если не выяснится, в чем дело, посмотрим, как этот чиновник с тобой разберется!

Чжуан Чжун смотрел на удаляющуюся фигуру начальника стражи Хэ, его лицо слегка помрачнело. Раз даже когда он, глава уезда, здесь, Хэ Син осмеливается так угрожать человеку, который пришел искать справедливости, насколько же нагло он ведет себя у него за спиной.

Чжуан Чжун посмотрел на Чжэнь-нян.

- Ты испугалась?

Чжэнь-нян горько улынулась.

- Я не боюсь даже смерти, чего же мне еще бояться?

Увидев это, Чжуан Чжун успокоился. Если бы Чжэнь-нян колебалась, это создало бы огромные препятствия для его расследования. В этом мире убийства и без того трудно расследовать, а если к тому же фигурант дела не тверд в своих убеждениях, он действительно не был уверен, что сможет установить истину.

Чжуан Чжун кивнул советнику Туну, тот понял и обратился к надзирательнице:

- Чжэнь-нян из клана Чжоу хочет отказаться от своего признания, но перед этим ей предстоит десять ударов палкой. В таком слабом состоянии она, конечно, не выдержит. За это время позаботьтесь о ней как следует, чтобы она обязательно смогла перенести эти десять ударов после начала суда.

Надзирательница несколько раз кивнула в знак согласия, а получив от советника Туна лян серебра, стала еще более услужливой.

Советник Тун, вручив серебро, прищурился и угрожающе сказал:

- Если с Чжэнь-нян из клана Чжоу в эти дни произойдет что-нибудь неладное, ты пойдешь за ней!

Надзирательница вздрогнула и про себя вздохнула, что эта работа, похоже, будет не такой уж легкой.

Выйдя из камеры, советник Тун спросил:

- Дажэнь, куда теперь?

Чжуан Чжун погладил четки на запястье.

- Я хочу вскрыть гроб и осмотреть останки.

<http://bllate.org/book/14926/2146606>